

ОПЫТ ДЕКОНСТРУКЦИИ ОДНОГО ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ АТРИБУТОВ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЖРЕЧЕСТВА: «ФЛЕЙТА ПАНА»

А. П. Медведев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 января 2025 г.

Аннотация: рассматривается вопрос об археологических маркерах жреческих погребений в курганах бронзового века юга Восточной Европы. Анализируется один из их возможных атрибутов – «флейта Пана». Прослеживается история рождения этого археологического понятия: от древнего пастушеского музыкального инструмента к мифологическому образу, вошедшему в понятийный аппарат отечественной археологии с последующим превращением находок «костяных флейт» в археологический атрибут жреческих погребений III – начала II тыс. до н. э. У скотоводов южнорусских степей бронзового века такие флейты, скорее всего, были пастушеским музыкальным инструментом, каким изначально была и «флейта Пана» у древних греков.

Ключевые слова: Восточная Европа, бронзовый век, индоиранцы, социальные структуры, жреческие погребения, «флейта Пана», музыкальные инструменты, деконструкция.

Abstract: the article deals with archaeological markers of priestly burials in Bronze Age barrows in the south of Eastern Europe. The author analyzes one of their possible attributes – a so-called Pan flute, and traces back the origins of this archaeological concept: from an ancient shepherd's musical instrument to a mythological image, which was included in the conceptual system of Russian archaeology followed by the transformation of 'bone flutes' into the archaeological attribute of priestly burials of the 3rd – early 2nd millennia BC. It appears that cattle breeders of South Russian steppes had such flutes as shepherd's musical instruments, just as ancient Greeks had the original Pan flute.

Key words: Eastern Europe, Bronze Age, Indo-Iranians, social structures, priestly burials, Pan flute, musical instruments, deconstruction.

В науке нередко бывает так, что популярным становится понятие, введенное кем-то из авторитетных ученых без достаточного его обоснования. М. Б. Щукин придумал подобным понятиям меткое название – «научный фольклор» [1, с. 248]. Войдя в научный оборот, они дальше продолжают использоваться по традиции, в то время как с годами их содержание может весьма существенно изменяться вплоть до полного расхождения с данными источников. Между тем от научной терминологии во многом зависят выводы исследователя, так как используемое историческое понятие задает определенное направление научного поиска и в известной мере предопределяет его результат. В статье рассматривается, казалось бы, частный вопрос об археологической атрибуции жреческих погребений бронзового века в степной и лесостепной полосе Восточной Европы. Одна из публикаций автора на эту тему призывала более строго относиться к методике и критериям выделения жреческих погребальных комплексов

II–I тыс. до н. э. [2]. Неожиданно она встретила острую критику специалистов по археологии эпохи бронзы археологов, а, по существу, неприятие ее основных положений. Так, ведущий украинский археолог В. В. Отрощенко сделал специальный доклад на конференции в Липецке, направленный против аргументов автора под говорящим названием «В защиту сакральной функции» [3]. В наличии какой-то сакральности у скотоводческих народов евразийских степей III–I тыс. до н. э. никто не сомневается. Но автор статьи выступил не против «сакральности» как таковой, а против той легкости и необоснованных критериев, которые позволяли археологам выделять жреческие погребения и даже целое жреческое сословие на основе набора признаков, не находящихся никакого соответствия в древней индоиранской или более поздней древнеиранской религиозной традиции. Ниже рассмотрим лишь один из признаков жреческих погребений ямно-катакомбного времени, т. е. второй половины III – начала II тыс. до н. э. Речь пойдет о так называемой «флейте Пана». Проследим историю рождения этого названия: от древнего пастушеского музыкального инструмента к мифологическому образу, вошедшему в понятийный аппарат

археологии с последующим превращением находок «костяных флейт» в археологический атрибут жреческих погребений бронзового века.

Начнем с первоисточника – мифа о «флейте Пана». В греческой мифологии Пан, сын Гермеса и нимфы Дриопы, считался низшим божеством лесов, полей, стад [4]. Греки связывали его рождение с гористой областью Аркадия, где издревле процветало пастушеское скотоводство. Когда родился Пан, мать ужаснулась, увидев сына, заросшего волосами, бородастого, с козлиными ножками и рогами. Но олимпийским богам он сразу понравился, скорее всего, из-за народной этимологии его имени – Пан – «понаравившийся всем» (др.-греч. Πάν от πάς – «весь»). По мнению же современных лингвистов, в его имени скрыт древний индоевропейский корень со значением «делать плодородным». Согласно эллинской мифологии Пан вместе с сатирами входил в свиту бога Диониса, любил вино и веселье, а главное – был одержим страстью к прекрасным нимфам. Для нашей темы важен миф о Пане и Сиринге, сохранившийся у Овидия [5]. Однажды Пан пас свое стадо, но был ранен Эротом, пустившим в него стрелу любви. Вскоре Пан увидел в лесу прекрасную нимфу Сирингу и сразу в нее влюбился. Он попытался ею овладеть, но вместо Сиринги схватил только... прибрежный тростник – нимфа исчезла в реке. В тихом шелесте тростника ему послышался лишь ее голос. По преданию Пан срезал несколько тростинки, скрепил их воском и сделал сладкозвучную флейту, за которой закрепилось название – сиринга (греч. σῦριξ – «свирель»). С тех пор Пан играл на сиринге, заглушая неугасшую любовную тоску. Звуки его флейты побуждали эмоции и чувства. Древние скульпторы нередко изображали Пана с сирингой в руке из восьми неравных по размерам трубочек, скрепленных между собой. До сих пор конструктивно «флейта Пана» – это многоствольная флейта, состоящая из продольных свистков с открытым верхним концом и закрытым нижним. Каждый из них издает звук определенной высоты.

Считается, что рождению понятия «флейта Пана» в археологии мы обязаны саратовскому археологу Ивану Васильевичу Сеницыну. В 1953 г. он раскопал в кургане 5 у с. Скатовка Саратовской области погребение древнеямной культуры, в котором обнаружил 8 костяных трубочек из птичьих ножек [6]. Они были разной длины от 5 до 20 см, но лежали вместе и были посыпаны охрой. Эту находку И. В. Сеницын атрибутировал как «флейту Пана». Однако еще в 1930-х гг. известный украинский археолог Н. Е. Макаренко раскопал Мариупольский могильник, также содержащий набор костяных трубочек [7]. С этой публикацией, безусловно, был знаком И. В. Сеницын. Так в археологии родилось красивое название «флейта Пана». Заметим, что на первых порах оно лишь

изредка использовалось для обозначения подобных находок в древнеямных и катакомбных погребениях ранней и средней бронзы.

Новый этап в развитии интересующего нас понятия приходится на последнюю четверть XX в., когда в позднесоветской науке пробудился интерес к индоиранской проблематике. Нужно напомнить, что в археологии эпохи бронзы это было время почти повсеместного романтического увлечения «арийской» тематикой – поиском следов древних индоиранцев («ариев») в памятниках различных археологических культур степной и лесостепной Евразии III–II тыс. до н. э. [8]. Во многом оно было порождением отказа археологов СССР от марксистской концепции общественно-экономических формаций как единственно правильной теории истории, с одной стороны, но не в меньшей мере и поиском «престижных предков» для своих народов – с другой. Не будем забывать, что это было время подъема национализма в России и Украине, к чему приложила руку и творческая интеллигенция, в том числе некоторые археологи. Начался активный поиск в степных и лесостепных культурах бронзового века прямых археологических соответствий древним индоиранским троичным социальным структурам по индоиранской модели: «жрецы», «воины-колесничие», «скотоводы» типа ведийских «вайшья» или авестийских «ваштрийо вшуйант» – букв. «добывающих корм скоту» [9]. Вторым и третьим группам по сопровождающему инвентарю легко удалось найти серии соответствующих захоронений. Но камнем преткновения оказался вопрос о выделении жреческих погребений. Тогда и вспомнили о редких находках «флейт Пана» в курганах раннего и среднего бронзового века Восточной Европы.

Одним из первых попытался атрибутировать «флейты Пана» как надежный признак древних жреческих погребений украинский археолог Ю. А. Шилов [10, с. 248]. Тогда же С. Ж. Пустовалов предпринял много усилий для обоснования у скотоводов-катакомбников среднего бронзового века не общинно-родового строя, а по существу уже кастового деления общества по древнеиндийскому образцу, как известно, первоначально состоявшего из трех варн: жрецов, воинов и скотоводов-общинников [11]. И в отечественной, и в украинской археологии средней бронзы произошла «смена парадигм» – от старой формационной теории к новой, условно назовем ее «арийской». На рубеже тысячелетий в археологии эпохи бронзы такая атрибуция стала уже аксиоматичной. Сейчас находкам наборов костяных трубочек в погребениях ранней и средней бронзы придается глубокий сакральный смысл.

Из воронежских археологов к новой парадигме практически сразу присоединился А. Т. Синюк, внес-

ший в ее разработку существенный вклад [12, с. 123–126]. Он исходил из того постулата, что формирование сословия жрецов сопровождалось и оформлением предметов в виде жреческой атрибутики. В двух катакомбных погребениях Первого Власовского могильника профессор открыл остатки трубочек из полых костей крупных птиц. Он считал их сугубо культовой категорией находок, которые встречаются чрезвычайно редко в захоронениях древних скотоводов – носителей ямных и катакомбных культур. Ученый допускал возможность трактовать находки костяных флейт как принадлежности исполнителям священных гимнов подобно риши «Ригведы». В «Самаведе» они соотносятся с разрядом жрецов – знатоков мелодий, поющих гимны. Проанализировав погребения с костяными трубочками и их встречаемость с другими категориями сопровождающего инвентаря, А. Т. Синюк пришел к итоговому заключению: «флейты в погребениях под курганами могут служить надежным индикатором для отнесения умерших к служителям культа».

Рассмотрим археологические «первоисточники» атрибуции власовских катакомбных погребений в качестве жреческих. Погребение 12/3 Первого Власовского могильника ямно-катакомбного типа включало набор из восьми полых костяных трубочек, бронзовое шило, бронзовые подвески, а также обычный для катакомбной культуры сосуд с орнаментацией гребенчатым штампом и оттисками шнура. В катакомбе другого погребения 1/4 лежали скелеты взрослого мужчины и двух подростков. В ней также открыты восемь костяных трубочек, два сосуда и курильница. Но считать курильницу жреческим атрибутом проблематично, так как большинство подобных находок встречены в катакомбных погребениях, ничем особенно не выделяющихся. Например, в могильнике Елка 5 подобные курильницы встречены в пяти обычных катакомбных погребениях, в том числе женских и детских. То же самое с набором сопровождающего инвентаря в третьем среднедонском погребении с «флейтой Пана» – в кургане 1/4 Луговского могильника. Помимо флейты в нем найдена снизка бус из бронзы, сосудик, близкий реповидным манычской культуры, а также жаровня из придонной части крупного горшка. Как мы видим, указанные среднедонские катакомбные погребения ничем особо не выделяются из массы остальных, кроме наличия в них «флейт Пана». Но можно ли рассматривать их находки как атрибуты именно жреческих погребений?

Подобная интерпретация древних находок костяных многоствольных флейт противоречит хорошо изученной индоевропейской музыкальной культовой традиции, как, впрочем, и физиологии человека. Ни у одного древнего индоевропейского народа не удалось найти свидетельств использования флейт для

сопровождения религиозных гимнов. Более того, у различных индоевропейских народов флейта, дудка, свирель и подобные им духовые инструменты чаще всего являлись элементами *профанной*, народной, низовой культуры. Для сакральных целей они не подходили по физиологической причине – при игре на флейте жрецу нельзя одновременно сопровождать музыкой исполнение гимнов, так как его уста заняты. Это хорошо осознавали древние. Поэтому, например, у греков, начиная с классической эпохи, «мусические искусства» четко делились на возвышенную «мелику» – игру на кифаре (арфе) и более низкую «авлетику» – от греч. αὐλός («двустольная флейта») [13, с. 129–130]. Флейты сопровождали дионисийские шествия, которые позднеантичный лексикограф Гесихий квалифицировал как «*похотливые и распутные песни*». Хорошо известно, что Платон видел в мусическом искусстве не просто развлечение, а серьезное и важное дело для государственной системы воспитания подрастающего поколения граждан в его идеальном полисе. Поэтому он предлагал ограничиться лирой и кифарой для употребления в городе и свирелью – для пастухов. В отличие от духовых струнные инструменты типа кифар не заглушали пение гимнов, они создавали приятный фон и задавали определенный ритмический тон. Поэтому не только эллины, но и древние фракийцы, кельты, балты, славяне использовали именно струнные инструменты, позволявшие «петь» гимны, имевшие не только поэтическую, но и ритмическую форму. В развитии этой темы весьма любопытно древнейшее свидетельство о музыкальных инструментах у славян VII в., переданное византийским историком Феофилактом Симокатой [14].

«На другой день трое людей из племени славян, не имеющие никакого железного оружия или каких-либо военных приспособлений, были взяты в плен телохранителями императора; единственным их багажом были гусли, и ничего другого они не несли с собою. Император стал их расспрашивать, какого они племени, где назначено судьбой им жить и по какой причине они возвращаются в римских пределах. Они отвечали, что по племени они – славяне, что живут на краю западного Океана... Гусли они носят потому, что не привыкли облекать свои тела в железное оружие: их страна не знает железа, и потому мирно и без мятежей проходит жизнь у них; что они играют на лирах потому, что не обучены трубить в трубы».

В русской народной культуре флейта – калюка, не случайно называлась выгонка. Как и в античной Греции, это инструмент пастуха – утром он помогал ему выгонять стадо из деревни, а на пастбище собирать. Любопытно, что калюки-выгонки дожили в Центральной России практически до этнографической современности. Экспедиция Московской и Ле-

нинградской консерваторий в 1980 г. обнаружила их в селах на границе Воронежской и Белгородской областей. На Руси флейта-свирель всегда входила в ансамбль скоморохов. Сохранилась фреска на стене киевского Софийского собора 1037 г. с изображением скоморохов, играющих на свирели. В Западноевропейском Средневековье флейта широко использовалась жонглерами. До нас дошла германская легенда о гамельнском крысолове, который так виртуозно умел играть на флейте, что к нему сбегались все звери. Его нанял бургомистр г. Гамельн, который заполонили крысы и мыши. Играя на дудочке, музыкант собрал и увел из города всех крыс и мышей. Но бургомистр нарушил договор и не расплатился музыкантом. Тогда флейтист вернулся в город, вновь заиграл на флейте, к нему на площадь собрались все дети, и крысолов увел их из города. Больше их никто не видел. Эта мрачная немецкая легенда отражает народные представления о флейте-свирели не как высоком сакральном инструменте, а инструменте, который может быть использован виртуозом для достижения злых замыслов. В этот круг позднесредневековой мистики входит и поэма А. Я. Либескинда, положенная в основу знаменитой оперы Моцарта «Волшебная флейта».

Если вернуться к нашей теме, то музыкальные инструменты типа «флейты Пана» у ариев «Ригведы» и «Авесты» не известны. В поздневедийской литературе упоминается лишь одностольная дудка («вина»). Здесь важно обратить внимание на заключение выдающегося специалиста в исследовании древнейших религий Востока Е. В. Антоновой. «Отсутствие специализированных обрядовых предметов, предназначавшихся для обрядов определенных категорий, предполагает и отсутствие специалистов – отправителей обрядов, для которых та общественная функция являлась бы единственной, то есть отсутствие жречества» [15, с. 248].

Поэтому представляется более правомерным рассматривать находки в курганных погребениях костяных флейт по их прямому назначению – в качестве музыкальных инструментов. Тем более, что именно в среднем бронзовом веке, как никогда позже, получает развитие традиция включать в состав погребального инвентаря инструменты, подчеркивающие профессиональную принадлежность их владельцев. У первых скотоводов южнорусских степей одностольные костяные флейты были обычным пасту-

шеским музыкальным инструментом, каким была «флейта Пана» в мифологических представлениях древних греков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щукин М. Б. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура / М. Б. Щукин. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2007. – 576 с.
2. Медведев А. П. Об атрибуции жреческих погребений у ираноязычных кочевников II–I тыс. до н. э. / А. П. Медведев // Исторические записки. Вып. 2. – Воронеж, 1997. – С. 165–171.
3. Отрощенко В. В. В защиту сакральной функции / В. В. Отрощенко // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий : тез. докл. науч. конф. – Липецк : Липецкий гос. пед. ин-т, 1999. – С. 21–23.
4. Лосев А. Ф. Пан / А. Ф. Лосев // Лосев А. Ф. Мифы народов мира : в 2 т. Т. 2. – М. : Советская энциклопедия, 1992. – С. 279–280.
5. Ovid., Met.: 689–712.
6. Синицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда / И. В. Синицын // МИА. – 1959. – Вып. 60. – С. 39–205.
7. Макаренко М. Маріопільський моги́льник / М. Макаренко. – Київ : Вид-во Всеукраїнської Академії наук, 1933. – 151 с.
8. Шнирельман В. А. Арийский миф в современном мире [эволюции арийского мифа о России] : в 2 т. Т. 1 / В. А. Шнирельман // Новое литературное обозрение. – М., 2015. – 536 с.
9. Медведев А. П. В поисках древнейших социальных структур индоевропейцев (к 100-летию Ж. Дюмезиля) / А. П. Медведев // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. – 1997. – № 2. – С. 99–113.
10. Шилов Ю. А. Прародина ариев / Ю. А. Шилов. – Киев : Синто, 1995. – 744 с.
11. Пустовалов С. Ж. О возможности реконструкции сословно-кастовой системы по археологическим данным / С. Ж. Пустовалов // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Вып. 5. – Запорожье : Запорожский госуниверситет, 1995. – С. 21–32.
12. Синюк А. Т. Бронзовый век бассейна Дона / А. Т. Синюк. – Воронеж : Изд-во Воронежского педуниверситета, 1996. – 351 с.
13. Герцман Е. А. Музыка древней Греции и Рима / Е. А. Герцман. – М. : Алетей, 1995. – 336 с.
14. Theoph. Sim. Hist.: VI, 2; 10–16.
15. Антонова Е. В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока / Е. В. Антонова. – М. : Наука, 1990. – 287 с.

Воронежский государственный университет
Медведев А. П., доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой археологии и истории древнего мира
E-mail: APM1950@yandex.ru

Voronezh State University
Medvedev A. P., Doctor of Historical Sciences, Professor,
Head of the Archaeology and Ancient History Department
E-mail: APM1950@yandex.ru